

Тань Юмин принял ванну и высушил волосы. Когда он вышел, Шэнь Цзуннянь стоял лицом к окну и говорил по телефону по работе. Он снял пиджак и остался лишь в чёрном свитере с высоким горлом. Услышав, что Тань Юмин вышел, он обернулся и кивнул подбородком на журнальный столик.

— Когда ты это купил? — глаза Тань Юмина загорелись, а его покрасневшее от пара лицо выглядело очень живым.

Он отпил немного супа, и тепло от желудка разлилось до самого сердца. В этот момент Шэнь Цзуннянь наконец положил трубку.

— Только что.

— Там было много людей?

— Нет.

— Как это нет? Когда мы возвращались, там была огромная толпа, — Тань Юмин подошёл ближе, обдавая его теплом и запахом геля для душа.

Шэнь Цзуннянь чуть откинулся назад:

— Потом никого не осталось.

Тань Юмин не особо поверил:

— Сколько ты стоял в очереди?

— Пару минут.

Тань Юмин предложил:

— Ты тоже поешь.

— Ешь сам, — Шэнь Цзуннянь встал, чтобы собрать вещи. Закончив со своими, ему ещё предстояло проверить чемодан Тань Юмина. — Доедай и ложись спать, завтра рано вставать.

— О.

Ответить-то он ответил, но так и не встал. Когда Шэнь Цзуннянь пошёл стучать в его дверь, он

увидел, что Тань Юмин с растрёпанными, торчащими во все стороны волосами ползает по кровати.

Шэнь Цзуннянь нахмурился:

— Что ты делаешь?

Тань Юмин сонно поднял голову, даже не открыв глаз:

— Я снял носки для сна и не могу их найти.

Шэнь Цзуннянь встряхнул одеяло, но ничего не нашёл. Он обошёл кровать кругом и только тогда увидел, что они упали на пол. Он поднял их и поторопил:

— Давай быстрее.

Тань Юмин снова закрыл глаза от усталости и распластался на кровати, притворяясь мёртвым.

«...» Шэнь Цзуннянь поднял руку, посмотрел на наручные часы, а затем просто схватил его за лодыжку, подтянул к себе, присел на корточки и надел на него носки, совсем как в детстве.

Его движения были уверенными, а руки — большими и тёплыми. Шершавые подушечки пальцев касались кожи на ногах, и от этого было немного щекотно. Тань Юмин слегка проснулся. Он оперся на руки, приподнял верхнюю часть тела, наступил ему на ладонь и позвал:

— Шэнь Цзуннянь.

— М-м.

Тань Юмин скрестил руки на груди, опустил взгляд и посмотрел на его сосредоточенное лицо:

— Ты что-то натворил в последнее время? Почему ты так добр ко мне?

Шэнь Цзуннянь не поднял головы и тихо спросил:

— Разве добр?

— Конечно, добр. Купил деревянный волчок из персикового дерева и клубнику в карамели. Сделал тысячу триста восемьдесят две фотографии. Я сказал, что хочу поесть в уличных

палатках, и ты согласился, каждый раз новая еда. Пошёл за супом из бараньих потрохов прямо на ночном ветру. Я простоял больше часа за пирожными с финиковой пастой и жареными каштанами, съел только половину, и ты меня даже не отругал. На лыжах ты таскал меня на спине туда-сюда шесть раз подряд... Если это не «добр», то Тань Юмин вообще не знал, что значит «добр».

Шэнь Цзуннянь надел оба носка и только тогда поднял голову:

— Значит, ты счастлив?

Тань Юмин поболтал плотно укутанными ногами вверх-вниз и беспечно рассмеялся:

— Счастлив, конечно, я счастлив.

Шэнь Цзуннянь угукнул и тихо сказал:

— Главное, что счастлив.

Северная весна осталась позади за две с лишним тысячи километров. На острове уже чувствовалось приближение лета.

Шэнь Цзуннянь ковал железо пока горячо, продолжая составлять контракты для «Цзяньсинь». Тань Юмин был занят переговорами с различными ассоциациями. Всего за несколько дней красные стены, плакучие ивы и цветущие бегонии древней столицы стали казаться сном из прошлой жизни. Каждый день, открывая глаза, они снова видели привычный шумный поток машин и роскошную городскую суету.

Ночью отель «Пули» по-прежнему сиял огнями. Шэнь Цзуннянь прибыл, когда час пик уже миновал. «Бентли» остановился на эксклюзивном парковочном месте. Генеральный менеджер ждал его у частного лифта:

— Господин Шэнь, офицер Хэ уже наверху.

Шэнь Цзуннянь кивнул. Человек, который только что провёл шестичасовое совещание, не выглядел ни капли уставшим. Он шёл стремительно, а резкость в его взгляде заставила Хэ

Уфэя, который видел его впервые, на мгновение опешил.

Ему нужна была помощь, поэтому он первым протянул руку:

— Господин Шэнь, слышан о вас.

Шэнь Цзуннянь оставался серьёзным:

— Офицер Хэ, заставил вас ждать.

— Вовсе нет, — Хэ Уфэй улыбнулся. — Я действительно хотел поговорить с господином Шэнем ещё сразу после Нового года. Но ваш помощник сказал, что босс в командировке, так что мы встретились только сейчас.

— Я только что вернулся с материка, — Шэнь Цзуннянь жестом предложил ему присесть, где удобно.

Хэ Уфэй сразу перешёл к делу:

— Там очень активно борются с мошенничеством. Они отлично справляются с финансовым контролем и регулированием рынка.

Шэнь Цзуннянь тоже не любил пустые разговоры и начал прямо:

— Менеджер сказал, что офицер Хэ хочет установить точки контроля в моём отеле для проверок.

— Да, вы знаете обстановку на зарубежных финансовых рынках в этом году, — Юго-Восточная Азия буйствовала особенно сильно. Уже было заведено несколько уголовных дел о мошенничестве через сети букмекерских контор и экспортные контракты. — Полицейское управление хочет внедрить своих людей в «Пули». Мы надеемся, что господин Шэнь пойдёт нам навстречу и поддержит нашу работу.

Это не было официальным расследованием, лишь проверкой и наблюдением. «Пули» вёл законный бизнес без каких-либо нарушений. Поэтому полиция не могла использовать государственную власть для принуждения и рассчитывала только на добровольное сотрудничество.

Шэнь Цзуннянь кивнул и поблагодарил его за труд:

— Все предприятия корпорации «Хуаньту» с радостью окажут содействие. — Затем он спросил:

— Где ещё, помимо «Пули», полиция разместит свои точки?

Хэ Уфэй поднял голову и посмотрел на него. Шэнь Цзуннянь ответил прямым взглядом, спокойно принимая его оценку. Хэ Уфэй подумал, что этот человек сильно отличается от его представлений. Молодой, с мощной аурой, мастерски умеющий брать инициативу в свои руки.

Все негласно знали о секретах богатых семей. А уж смена власти в семье Шэнь в своё время наделала много шума во всём городе. Он, конечно, понял, что имел в виду Шэнь Цзуннянь:

— Мы будем контролировать все каналы обращения, где можно быстро и в больших объёмах обналить средства. — Это включало в себя, помимо прочего, аукционные дома, частные банки и таможню.

Шэнь Цзуннянь поддерживает их работу, а они присматривают за следами Шэнь Сяочана для Шэнь Цзунняня. Всё было понятно без лишних слов. Через мгновение Шэнь Цзуннянь протянул руку:

— Офицер Хэ, рад сотрудничеству.

Хэ Уфэй подумал, что договориться с ним оказалось гораздо проще, чем ходили слухи. Он был прямым и решительным. Хэ Уфэй тоже встал и пожал ему руку:

— Рад сотрудничеству. Я позову нескольких своих подчинённых поздороваться. В будущем надеюсь на поддержку господина Шэня.

— Не стоит благодарности.

Они обсудили конкретные детали размещения точек контроля и текущую ситуацию с экономическим надзором. Хэ Уфэй упомянул, что это совместная операция с финансовым управлением и отделом экономических преступлений. Руководство придаёт этому большое значение. Шэнь Цзуннянь выразил своё понимание.

Вскоре в кабинет привели нескольких молодых полицейских в штатском.

— Офицер Хэ.

Хэ Уфэй представил их:

— Это мои коллеги из объединённой группы главного острова. А это господин Шэнь из «Хуаньту».

— Здравствуйте, — кратко сказал Шэнь Цзуннянь. — Если в дальнейшем вам понадобится содействие в работе, можете обращаться к менеджеру Чжану. «Хуаньту» окажет вам полную поддержку.

Хэ Уфэй поблагодарил:

— Извините, что побеспокоил вас сегодня, господин Шэнь. Если что, мы свяжемся.

— Менеджер Чжан, проводите гостей.

Когда дверь закрылась, Шэнь Цзуннянь взял со стола чай и сделал глоток. Горло, пересохшее от сверхурочной работы, немного смягчилось, но мозг не переставал работать.

В своё время Шэнь Сяочан сбежал за границу и постоянно прятался, но так и не оставил попыток вернуться к власти. У Шэнь Цзунняня была плотная зарубежная разведывательная сеть. Однако противник использовал теневые методы и действовал в серой зоне, куда Шэнь Цзуннянь не мог дотянуться, да и не имел на это законных оснований.

Недавнее появление той коллекционной картины и слухи о возвращении номинального капитала на рынок города Хай выглядели как прощупывание почвы и провокация. Привлечение официальных властей было самым простым способом решить эту проблему.

Вибрация телефона прервала его мысли. Шэнь Цзуннянь не стал сразу доставать его, чтобы посмотреть. Телефон продолжал настойчиво звонить. Шэнь Цзуннянь сбросил вызов, достал из кармана сигареты и зажигалку.

Никто посторонний никогда не видел, чтобы он курил, но прикуривал он явно очень уверенно. Он безэмоционально зажал сигарету в зубах, думая о чём-то своём. Кольца дыма скрывали его периодически хмурающиеся брови.

Шэнь Цзуннянь был сдержан даже в курении. Окутанный дымом, он позволил себе расслабиться лишь на время, пока не скурил половину сигареты. Затем он без капли сожаления вдавил окурочек в пепельницу. Он открыл окно, чтобы проветрить. Ночной ветер мгновенно растрепал его волосы и заставил голову проясниться.

Менеджер, проводив гостей, постучал и вошёл. Он спросил, останется ли тот ночевать в отеле. Шэнь Цзуннянь ответил отрицательно и попросил приготовить порцию шоколадного печенья на вынос. Менеджер сказал:

— Уже упаковано. Только что из печи.

Шэнь Цзуннянь редко бывал здесь, но каждый раз увозил с собой шоколадное печенье. Менеджер приказал кухне приготовить его сразу, как только босс прибыл.

Шэнь Цзуннянь взял ключи от машины и ушёл. «Бентли» свернул на Берлинскую улицу. Экран телефона снова загорелся. На этот раз Шэнь Цзуннянь открыл сообщение.

«Рейс задержали. Ложись спать, не жди меня».

Тань Юмин убрал телефон и пошёл в кофейню аэропорта, чтобы купить стакан колд-брю для Се Чжэньлиня.

Четыре дня назад он получил от него прощальное сообщение:

«Брат, я уезжаю из города Хай. Спасибо тебе за всё, что ты делал все эти годы. Будь то деньги или что-то ещё, ты единственный, кто искренне поддерживал и помогал мне. Деньги я тебе потом верну, это не займёт много времени. Я буду хорошо работать, так что не волнуйся за меня. Прощай, брат».

В тот момент Тань Юмин находился на тридцать шестом этаже в Центральном районе на встрече с партнёрами. Совещание длилось уже более пяти часов. Огромное закатное солнце за окном стало ослепительным. На мгновение он застыл, но быстро нашёл предлог, чтобы выйти из конференц-зала и позвонить Се Чжэньлиню. Трубку никто не взял.

Тань Юмин стоял перед залитым красным светом панорамным окном и написал ему ответ:

«Хорошо. Когда уезжаешь? Я приеду проводить тебя».

Поздней ночью в международном аэропорту было не слишком много, но и не слишком мало людей. Информацию о рейсах объявляли по кругу на трёх языках: мандаринском, кантонском и английском.

— Выпей холодного, взбодрись.

— Спасибо, брат. — Се Чжэньлинь взял кофе и натянул на губы улыбку. Лицом он выглядел не лучше, чем в день похорон, но его эмоциональное состояние явно стало стабильнее.

— Не за что, пей. — Тань Юмин воткнул трубочку в свой лимонный чай и отпил. Лимон был слишком кислым, а вкус чая недостаточно насыщенным. Он поджал губы и спросил: — У семьи твоей бабушки по материнской линии всё уладилось?

— Да, адвокат занимается судебным процессом по наследству. Младшая тётя кое-что предприняла и достала записи с камер видеонаблюдения из больницы Жэньцзи. Кроме того, одна сиделка согласилась выступить свидетелем. Се Жуйго подозревается в жестоком обращении с членами семьи, так что шансы выиграть дело очень высоки.

— Оказывается, моя мама давно оставила резервную копию завещания, — Се Чжэньлинь сжал кулаки, а его голос зазвучал тише. — Даже Се Жуйго об этом не знал.

Любящие родители строят долгосрочные планы для своих детей. Мамина любовь оказалась гораздо сильнее, чем он мог себе представить.

Завещание Цзэн Ни касалось огромной суммы денег. Условия были чёткими, а структура — тщательно продуманной. Се Жуйго, его любовница и внебрачный сын не получают ни копейки. Именно поэтому Се Жуйго хотел повесить причину смерти Цзэн Ни на Се Чжэньлиня, чтобы лишить его права на наследство.

— В нескольких компаниях Се Жуйго тоже есть грязные делишки. Дедушка собирается засадить его за решётку, но на это может уйти какое-то время.

Се Чжэньлинь хотел помочь, но в городе Хай его репутация была полностью разрушена, и ему было трудно сделать даже шаг. Дядя предложил ему уехать за границу на несколько лет.

Семья матери изначально отдалилась от него из-за его сексуальной ориентации. Однако общая скорбь по Цзэн Ни и ненависть к Се Жуйго снова сблизили их.

Тань Юмин сказал:

— Уехать — это хорошая идея. На самом деле не понадобится даже нескольких лет. Пройдёт пара месяцев или даже дней, и скоро никто уже не вспомнит об этих событиях.

— Да, я знаю. Брат, я буду там усердно работать.

— Не дави на себя слишком сильно. Главное — сменить обстановку и прийти в норму. Всё остальное делай постепенно. — Тань Юмин слегка сжал стакан и всё-таки спросил: — А что Фан Суй?

— Мы расстались.

Тань Юмин медленно повернул голову и посмотрел на него.

Се Чжэньлинь совершенно спокойно выдержал его взгляд:

— Это он предложил.

Тань Юмин втайне удивился. Было ли это чувство вины? Не смог перешагнуть через это препятствие и решил, что больше не заслуживает такой хорошей любви? Или он просто не хотел больше быть обузой для Се Чжэньлиня, боясь утащить его на самое дно?

— Он...

— Я не знаю, — Се Чжэньлинь говорил спокойно, но всё ещё с болью. Он тихо произнёс: — Я не знаю, но он был очень решителен.

Тань Юмин хотел сказать: «Ничего страшного, вы ещё так молоды, в будущем у вас ещё будут шансы». Но на самом деле он и сам не знал, действительно ли они у них будут. Ожидания не стоило озвучивать, да и пожелания были неуместны. Поэтому Тань Юмину оставалось только промолчать.

В итоге Се Чжэньлинь сам заговорил первым:

— Всё в порядке, я могу с этим смириться. Брат, я уже принял это.

Даже то, что казалось неприемлемым, уже произошло. Этот мир не вращался вокруг его желаний. В горле у Се Чжэньлиня встал ком горечи. Он посмотрел на Тань Юмина и с некоторым трудом произнёс:

— Если возможно, брат... Не мог бы ты в будущем хоть немного приглядывать за ним?

Ему не нужны были громкие показы мод или супер-престижная работа. Главное, чтобы его больше не заставляли быть игрушкой на пьянках и чтобы семья Се не загоняла его в угол. Он оставил все свои наличные деньги и карточки в их общем доме. Но Фан Суй ни за что к ним не притронется. Се Чжэньлинь слишком хорошо его знал.

Тань Юмин смотрел на стоящего перед ним человека, который словно повзрослел за одну ночь. Он мысленно вздохнул, похлопал его по плечу и сказал:

— Конечно. Конечно, я присмотрю.

Тань Юмин больше не упоминал это имя. Он перевёл разговор на планы Се Чжэньлиня после отъезда за границу. Се Чжэньлинь рассказал ему о своих собственных планах и о том, как всё устроит его семья. Так они проговорили до тех пор, пока не прозвучало объявление о посадке на рейс.

— Брат, мне пора, — Се Чжэньлинь встал и обнял Тань Юмина. Он тихо произнёс: — Спасибо,

что приехал проводить меня. Раньше я часто думал: как бы здорово было, если бы ты и правда был моим братом. Ты так много мне помогал. Ты такой хороший человек, в будущем тебе обязательно воздастся.

Тань Юмин рассмеялся, обнял его в ответ и похлопал по спине, как младшего брата:

— Только я сказал, что ты повзрослел, а ты опять говоришь такие детские вещи. Ладно, иди. Напиши мне, как приземлишься.

— Угу. До свидания, брат.

Тань Юмин провожал его взглядом до таможенного контроля, но не ушёл сразу. Пассажиров становилось всё меньше. В светлом терминале остался только он один. На душе у него было так же мрачно, как в ночи за панорамным окном. А ведь это было совершенно новое, полное надежд начало.

И вот так полуночный рейс увёз с острова одного человека с разбитым сердцем.

В то время как одни спотыкались на любовном пути и печально уходили со сцены, другие добивались успеха и заключали счастливые союзы.

Двадцать третьего числа второго лунного месяца в отеле, принадлежащем корпорации «Хуаньту», состоялась помолвка старшей дочери семьи Тань, Тань Цзуи, и второго сына семьи Чжун, Чжун Цзэ.

<http://bllate.org/book/17117/1614095>